

Стабурова Елена Юрьевна
доктор исторических наук, профессор
и.о.директора
Латвийский институт востоковедения
(г. Рига, Латвия)

110 ЛЕТ С НАЧАЛА СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КИТАЯ В ИСТОРИОГРАФИИ КНР

2021 год вошёл в историю Китая, прежде всего, как год столетия создания Коммунистической партии Китая (КПК).

Юбилей КПК затенил, но не отменил другую важную историческую веху – 10 октября 1911 года. Именно в тот день года Синьхай, вспыхнуло восстание в одной, состоявшей из ханей, воинской части и как бикфордов шнур зажгло целую страну. В результате этого за несколько месяцев были решены три субстанциальные для дальнейшего развития Китая задачи: во-первых, изгнание правивших 267 лет маньчжуров, во-вторых, свержение императорской власти и, в третьих, провозглашение республики.

Сегодняшний 12-миллионный город, ставший застрельщиком революции, к сожалению, получил мировую известность в связи с пандемией. Это Ухань. Если быть совсем точным, то Ухань представляет собой трехградье на берегу Янцзы – агломерацию из Учана, Ханьяна и Ханькоу. Центр революционного движения находился в Учане.

В современном Ухане берегут историческую память о событиях того времени. К 100-летию революции в городе возвели великолепное здание нового музея, облагородили и отремонтировали пространство вокруг дома, в котором размещалось революционное правительство, опубликовали и ввели в научный оборот множество документов как из архивов, так и из семейных собраний потомков революционеров. В нынешнем году торжества были скромнее. Тем не менее, по всей стране прошли научные конференции, приуроченные к 110-й годовщине. На торжественном собрании в Пекине с речью выступил руководитель КНР и КПК Си Цзиньпин.

Прямым наследником революционеров является партия Гоминьдан. Хотя она была образована после учанского восстания, в 1912 г., но именно влившиеся в неё люди за несколько лет до начала социального взрыва вели подготовку к насильственному изменению режима и возглавили руководство восставшими. Однако история Синьхайских событий это, прежде

всего, история всего Китая, всех живущих в нём народов. То время обогатило весь Китай невиданными ранее нововведениями, самым очевидным из которых является республика, кстати, первая в Азии. Да и в России до свержения царской власти ещё оставалось несколько лет.

В 1905 г. Сунь Ятсен (孫中山, 1866-1925) сформулировал «три народных принципа» (*саньминьчжэуи* 三民主義), претворение в жизнь которых должно было привести к созданию процветающей страны китайцев – «национализм» (*миньцзучжэуи* 民族主義), «народовластие» (*миньцюаньчжэуи* 民權主義) и «народное благосостояние» (*миньшиэнчжэуи* 民生主義). Именно они в предреволюционное и революционное время стали основополагающими направлениями движения революционной мысли и революционной активности. «Три народных принципа» настолько точно и лаконично «поставили диагноз» китайскому обществу и государству, что, время от времени приспосабливая своё содержание к текущему моменту, на много лет вперёд угадали вектор развития страны.

Сначала под «народовластием» понималась демократия западного образца. «Благосостояние» – было несколько подтянутой к идеям социализма традиционной китайской управленческой доктриной обеспечения «жизни народу» (*минь шиэн* 民生) для нормального функционирования государства. «Национализм» был обращён против маньчжуров. «Национализм» для Сунь Ятсена был главным принципом, поэтому он был поставлен в начало. Следуя этой схеме, несложно понять, что в 1911 г. основными вызовами Китая были национальный вопрос, политика и подъём экономики.

В исторической науке «три народных принципа» нередко используются как матрица для определения важнейших проблем Китая начала XX в. Поэтому в центре внимания исследователей Синьхайского времени особенно часто находятся национальный вопрос, политика и экономика. По разным причинам эти три аспекта революционного времени изучались неравномерно. В наименьшей степени исследован принцип «национализма» и как он реализовывался на практике.

Есть определенное, складывавшееся еще в годы Синьхайской революции, мнение о том, что революционные силы, направили свой удар против маньчжуров как правящего класса, но не против маньчжурского народа. В доказательство этого обычно справедливо ссылаются на Сунь Ятсена, который, действительно, в своих речах отмечал, что революционеры не борются с маньчжурами, но лишь с правящей маньчжурской верхушкой. Более того, одобренный в 1912 г. флаг Китайской республики задумывался как выражение единства основных народов Китая и представлял собой пять полос разного цвета, символизировавших маньчжуров, ханей, монголов, мусульман, тибетцев.

Однако любая революция это насилие нового субъекта истории над теряющей власть силой. На протяжении 267 лет правившей и вооруженной силой был почти весь маньчжурский народ, живший в гарнизонах, объединённый в восемь армий, каждая из которых имела особое знамя. Именно принадлежность к знамени, а вместе с этим и к общественным привилегиям, было наиболее заметным отличием маньчжуров от китайцев, поэтому маньчжуров называли «знаменными».

Когда в XVII в. маньжурские войска завоевывали территории бывшей Минской империи, это не была «прогулка по Невскому проспекту». Подчиняя себе огромную страну, маньжурские солдаты безжалостно расправлялись с мирным ханьским населением. С утверждением императоров династии Цин на китайском троне простые люди под страхом смерти из рук в руки передавались записи с документальными свидетельствами о массовых убийствах. К отмщению зывали две созданные по горячим следам книги о жестокостях маньжурских войск в городах Янчжоу и Цзядине: одна принадлежала перу Ван Сючю (王秀楚) – «Заметки о десяти днях в Янчжоу» (*Янчжоу ши жи цзи* 揚州十日記), автором второй был Чжу Цзысу (朱子素), написавший «Краткое описание того, как был вырезан город Цзядин» (*Цзядин ту чэн цзи-люэ* 嘉定屠城紀略) [1, с. 342-343]. Некоторые тайно распространявшиеся

книги с обличением маньчжурских завоевателей представляли собой настоящие исследования. Самой известной среди них стали «Записи у [ворот] Дун-хуа» (*Дун-хуа лу 東華錄*). Её составитель Цзян Лянци (蔣良騏) (1723-1789) был сотрудником Комитета по [составлению] государственной истории (*Го ши гуань 國史館*), поэтому использовал документы о маньчжурах с 1644 года и вплоть до прихода к власти императора Юнчжэна в 1722 году [12, с. 942].

По сравнению с другими народами, населявшими Цинскую империю, в особенности, с ханями, маньчжуров было очень мало. Из многочисленных свидетельств революционных деятелей, подтвержденных расчетами ученых КНР, в конце Цинского правления в Китае жило приблизительно пять миллионов маньчжуров [9, с. 69]. Общая численность населения в те годы составляла около 400 миллионов человек. Поэтому, когда копившаяся три столетия антиманьчжурская энергия выплеснулась наружу, маньчжурские войска не могли долго сопротивляться.

Маньчжуры большей частью проживали сравнительно компактно в гарнизонах, огороженных земляными валами и толстыми глинобитными стенами. Как только войско гарнизона оказывалось разбитым революционными войсками, семьи знаменных становились полностью незащитными. Приведу в пример донесение посланника в Пекине Ивана Яковлевича Коростовца от октября 1911 года: «К сожалению, корректный и гуманный (относительно иностранцев) образ действий мятежников омрачился чрезвычайной жестокостью, проявленной ими в отношении маньчжур, притом не только чиновников, но и частных лиц. Все опознанные революционерами маньчжуры подвергаются безжалостным преследованиям и казни» [7, с. 219].

Китайский историк У Чжунхань признаёт то, что маньчжуры оказались в очень тяжёлом положении, но связывает это не с революционерами, а с пришедшим к власти в 1912 г. Бэйянским (Пекинским) правительством: «После Синьхайской революции, которая свергла династию Цинских монархов, политика, проводимая в отношении народа Бэйянским правительством, была абсолютно жестокой. Во внутренних районах, в таких городах как Нанкин, Сиань, Цзинчжоу, Чэнду, Гуанчжоу и других, было убито немало маньчжурских офицеров и солдат, квартировавшихся там восьмизнаменных войск. Очень много этнических маньчжуров скрывались под ханьскими фамилиями и меняли имена на ханьские. К примеру, изначально больше половины всех маньчжурских офицеров и солдат восьмизнаменной армии жили в радиусе 500 км от Пекина. Кроме незначительного числа аристократов, обитавших во дворце, и сановников, которым было невозможно скрыть свои фамилии и имена, все прочие служилые маньчжурской национальности, за редким исключением, использовали ханьские фамилии и имена. Это потому что в то время, если сохранял подлинные маньчжурские имена или фамилии, то работу найти было невозможно, тот же, кто уже имел работу, её терял. Политика в отношении нации была такова, что принуждала людей «вести отсчет [рода] сначала и забывать предков»» [9, с. 70].

Победа Синьхайской революции, возвестившей новую эру в Китае, оказалась тяжёлым испытанием для маньчжуров. Отголоски 1911 года потом ещё долго были слышны в китайском социуме. Было табуировано даже само слово «маньчжур». В Тайбэе в середине 90-х гг. прошлого века моя (автора статьи) знакомая учительница рассказала, как встретила на улице своего бывшего ученика, в классе которого она на протяжении многих лет вела китайский язык, и с удивлением услышала от него, что он – маньчжур. Приведу также неожиданное свидетельство моего преподавателя Восточного факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ) Бориса Михайловича Новикова (1929-2021). Оно вошло в запись его воспоминаний [2, с. 25-26], но я расскажу по памяти, как он это говорил мне лично. В 1950-х гг., будучи студентом ЛГУ, он сдружился с преданным коммунистическим идеям китайским студентом Шао Цицюанем. Молодой человек заболел непривычным ещё в те годы для китайцев гриппом. Болезнь протекала тяжело, и он обратился к пришедшему навестить его Новикову: «Я скоро умру и перед смертью хочу тебе открыть мой страшный секрет. Об этом никому нельзя говорить! Я – маньчжур».

Вскоре после провозглашения КНР новая власть, которая не связывала себя напрямую с событиями года Синьхай, так как это было временем господства партии Гоминьдан и захвативших власть милитаристов, старалась аккуратно ознакомиться с фактическим состоянием маньчжурского этноса, тем более, что на его долю в 1932-1945 гг. выпала ещё одна роль – маньчжуры были хоть и подконтрольной, но всё же титульной нацией в созданном Японией марионеточном государстве Маньчжоуго.

Руководство КНР понимало политическую значимость национального, и особенно маньчжурского, вопроса, поэтому в 1959 году Исследовательский институт национальных меньшинств Академии наук Китая, опираясь на своё подразделение – Группу пров. Ляонин по обследованию социальной истории малых народов, инициировал экспедиции для изучения жизни, быта и судеб маньчжурского населения страны. Работа была завершена опубликованием «Докладов по обследованию социальной истории маньчжуров» [См.: 3]. Насколько можно понять, участники экспедиций проводили социологические опросы. Авторы докладов особенно интересовались тем, как складывалась жизнь маньчжуров до и после Синьхайской революции. В целом, картина была удручающей. Поэтому доклады вышли с грифом «для внутреннего пользования». Сейчас они стоят в открытых фондах.

В докладах содержится много интересных деталей. Например о том, что, вопреки расхожему мнению об изолированности маньчжурского населения от ханей, исследователям удалось выяснить, что в гарнизонах жило немало людей ханьской национальности. Так в гарнизоне знаменых Сианя из каждых десяти человек шестеро были ханями [4, т. 3, с. 44]. Сообщалось также, что там же до и после революции нормой жизни были смешанные браки. Они формально запрещались Цинами, а «после Синьхайской революции никаких запретов не было». Из 155 обследованных маньчжурских хозяйств не оказалось ни одной чисто маньчжурской семьи [4, т. 3, с. 55]. Отмечалось, что до революции 1911 года смешанные семьи были обычным явлением также в провинции Ляонин [4, т. 2, вып. 1, с. 6]. Авторы докладов сумели выявить всего два случая, где вождям революции удалось предотвратить битвы со знаменными и уничтожение их семей. Особая ситуация сложилась в пров. Сычуань, там движение за переговоры между китайскими армейскими частями и знаменными шло с двух сторон – со стороны маньчжурской интеллигенции и со стороны тайных обществ. Самым ярким представителем первых был Чжао Хуйминь (赵慧民). Руководителем тайного общества Гэлаохуй (哥老会) был маньчжур Чжао Шицин (赵石卿), он был связан с тайным обществом китайских военных Чжунхуйдан (中会党). В результате достигнутых договорённостей между представителями маньчжуров и ханей в столице провинции – городе Чэнду все знаменные сложили оружие. Поэтому в одном из докладов сообщается, что в Чэнду «с начала и до конца событий революционная армия не лишила жизни ни одного человека» [4, т. 3, с. 60]. Второй случай касался провинций Гуандун и Гуанси. Один из вождей революции Ху Ханьминь (胡汉民, 1879-1936), предполагая, что малочисленную маньчжурскую общину в провинциях легко удастся китаизировать после победы, предложил прибегнуть к известной в традиционной китайской политике стратегии «мягкости, а за пазухой...» (*хуайи жюу* 怀柔). Всех маньчжуров заранее обложили денежной данью, а после смены власти жизнь местных маньчжуров сделали невыносимой [4, т. 3, с. 49, с. 74-75]. Но физических расправ удалось избежать. Доклады стали косвенными свидетельствами катастрофы, которую пришлось пережить нации. Большую долю ответственности за это авторы докладов возложили на политику «национального гнёта» (*миньцзу ято* 民族压迫) [4, т. 3, с. 49, с. 75], проводившуюся Гоминьданом вплоть до его поражения в 1949 году. В одном обследованном районе пров. Хэйлуцзян маньчжурскую письменность знали лишь два человека, одному было за 80, другому – за 70 лет. Прочитанное оба понимали слабо [4, вып. 3, с. 4-5].

История полна таких периодов, когда деятельности людей невозможно дать однозначную оценку. Между тем, история принадлежит не только и не столько прошлому, сколько настоящему. В распоряжении историка находятся реальные инструменты воздействия на умы и

души его современников. Освещение исторических фактов способно спровоцировать дискурс вражды или, напротив, дать импульс глубокому осмыслению событий прошлого, чтобы воссоздать объективную картину во всей противоречивости её ушедшего бытия.

В современных условиях, когда постмодернизм, благодаря заложенному в нем релятивизму, способен превратить любые оценочные суждения в их противоположность, а информационные технологии мгновенно усиливают стократ любое письменное или устное слово, как никогда возрастает персональная ответственность историка. В конце XX в. мир стал свидетелем гибели крупнейшего государства с сильнейшей армией, чему способствовала, в числе прочего, развернувшаяся ревизия его истории. Есть много ситуаций, когда историк подобно врачу обязан руководствоваться принципом «не навреди».

Очень непростой, на наш взгляд, является задача исследования того, в каких формах воплотился в жизнь принцип «национализма» в Синьхайское время. Поэтому кто-то считает, что не надо специально на этом концентрироваться. Например, такого мнения придерживался знаменитый уханьский ученый Чжан Кайюань (章开元, 1926-2021). Было время в КНР, когда официально продвигалась точка зрения, в соответствии с которой «маньчжуры массово поддержали революцию». На другом полюсе находятся историки, к сожалению, готовые спекулировать на огульной критике китайских революционеров и поднимать шум вокруг выдернутых из контекста фактов вместо глубокого и всестороннего рассмотрения предмета.

Был такой историк и в профессиональном сообществе российских китаеведов [См.: 3]. Но есть примеры и другого подхода. Из современных учёных Китая по интересующей нас теме много и плодотворно работает историк Пань Хунган – сотрудник Исследовательского института литературы и истории Академии общественных наук провинции Хубэй (*Хубэй шэн шэнь кэсюэюань вэньши сюэсо* 湖北省社会科学院文史研究所). Первые его опубликованные статьи приходятся на 1990-е гг. В 2003 году в бытность мою в Ухане он подарил мне свои ранние работы. Несомненно, что с того времени библиография его научных трудов сильно расширилась, но сейчас, отслеживая его публикации, я понимаю, что он продолжает работать в той же исследовательской парадигме.

Причину обращения к данной теме Пань Хунган объясняет так: «Говоря об исследованиях по истории Синьхайской революции, как только они касаются таких лозунгов Сунь Ятсена как «национализм», «изгнание татар», «выбрасывание вон маньчжуров», «ненависть к маньчжурам», все останавливаются на полпути, на теоретическом уровне. С точки зрения истории наций после Синьхайской революции маньчжурская нация, которая правила Китаем более 200 лет, абсолютно изменила свое место [в обществе]. Однако редко в суждениях людей присутствует тщательный анализ ситуации. Как бы то ни было, относительно периода, который начинается Синьхайской революцией, очень легко начать сомневаться в том, «а существует ли еще хоть один маньчжур, считающий себя представителем нации» » [5, с. 225]. То есть, как следует из вышесказанного, ученого не удовлетворяли: 1) общий уровень исследованности вопроса, 2) теоретизирования, неподкрепленные проверкой фактами, 3) отсутствие работ, анализирующих жизнь маньчжуров сразу после того, как они потеряли свой привилегированный статус, 4) неизученность того, в чём конкретно заключалось изменение места маньчжуров в обществе за долгий период, начиная с Учанского восстания и вплоть до сегодняшнего дня. Между тем, на взгляд ученого, насущность такого рода исследований очевидна, хотя бы для того, чтобы подтвердить или опровергнуть расхожее мнение о том, что после Синьхайской революции маньчжуры исчезли как нация (кстати, сам Пань Хунган – маньчжур).

Работы Пань Хунгана подкупают именно глубиной анализа, а также тем, что он не замалчивает правду, насколько бы горькой она ни была. Он описывает ситуацию в Фучжоу в ноябре 1911 года. Маньчжуры там сопротивлялись до последнего человека. Командир был схвачен и подвержен мучительной смерти. Сведения эти были почерпнуты исследователем из «Черновика истории Цин». Я заглянула туда и прочитала заключительную фразу о командире

гарнизона: «Говорят, что его смерть была самой ужасной» [11, с. 12804]. В этом случае имела место отчаянная и героическая борьба маньчжуров, не пожелавших сдаваться врагу и избравших путь борьбы.

Пань Хунган отмечает, что судьба маньчжуров в Фучжоу не была predetermined. Китайские чиновники и шэньши-богачи из провинциального собрания предложили маньчжурским войскам своё посредничество в переговорах с революционерами. Но знаменные были против переговоров и лишь усилили приготовления к сопротивлению [5, с. 226].

В древней столице, городе Сиане, развернулась подлинная трагедия. Но очевидцы по-разному описывают детали произошедшего. Один свидетельствовал, что «в течении одной ночи погибших знаменных было более двух тысяч человек. Женщины и дети бросались в колодцы» [5, с. 226]. Историк приводит еще одну цитату из того же источника: «В маньчжурском городе каждая улица, каждый двор стали местом битвы, местом охоты и выслеживания. В то время все офицеры и солдаты [революционной] армии убивали всех знаменных и членов их семей. Очень много мужчин, женщин, стариков и детей, которые не были обречены на смерть, сдавались и захватывались как пленники» [5, с. 226]. Другой очевидец утверждал, что расправы над знаменными продолжались ещё четыре дня после сдачи гарнизона: «На следующий день после падения города более одной тысячи маньчжуров были выгнаны из своих убежищ в погребах. Их жестоко убивали, грабили склады с амуницией. Народная армия стирала всё с лица земли. В начале четвертого дня командование отдало приказ о прекращении убийств и издевательств» [5, с. 228].

Следуя своему правилу тщательно анализировать почерпнутые из источников сведения, Пань Хунган обратил внимание на замечание одного из авторов воспоминаний о том, что революционный лидер, возглавивший борьбу в Сиане, «приказал убить всех в городе» [5, с. 226]. Это утверждение ему показалось сомнительным. Пань Хунган пишет: «Массовые убийства определенно были, но вот приказ об истреблении города совсем необязательно был» [5, с. 228]. Это небольшое замечание, весьма существенно для исследовательского метода Пань Хунгана – не спешить с выводами там, где для этого нет достаточных оснований, отделять очевидное от сомнительного, чтобы не перейти грань между правдой и вымыслом.

Очень важно замечание исследователя о том, что в отдельных районах массовые убийства и погромы были результатом деятельности бандитов-туфэев, которые, по его словам, «были очень сердиты на маньчжуров» [5, с. 227].

Пань Хунган показывает, что в разных частях страны ситуация могла сильно различаться. Как бы оспаривая приведённые выше слова историка У Чжунхана о городе Чэнду, где якобы «было убито немало маньчжурских офицеров и солдат», Пань именно Чэнду приводит в качестве позитивного примера [5, с. 231]. То есть, исследователь, как бы, доводит до нашего сведения, что ненависть к маньчжурам не была абсолютной величиной сознания ханей и нельзя огульно осуждать революционеров.

Одна из самых кровавых битв в 1911 году разыгралась в Цзинчжоу (Хубэй), где в начале XX века жило 24466 маньчжурских и монгольских военных и членов их семей. Сколько осталось – неизвестно. Пань Хунган не обошёл молчанием это событие. Свой рассказ он завершает следующим выводом: «В целом говоря, после Синьхайской революции знаменные люди из гарнизона в Цзинчжоу и их потомки прошли через великий процесс перемен» [5, с. 226]. Но дальше добавляет, что «они заплатили за это чрезмерно высокую цену» [5, с. 227].

Мысль о том, что свержение Цинской династии через много лет станет благом для маньчжурского народа, но цена перемен оказалась несоразмерно высокой, сформулированная в 1994 году, проходит также через другие работы историка. Он её повторил в 2007 году: «После того, как автор уже более десяти лет изучал великие исторические перемены времени Синьхайской революции, произошедшие с жившими в гарнизонах восьмизнаменными, он [снова] утверждает: «В этих великих исторических переменах у маньчжурского народа был горький и даже трагический опыт, однако эту огромную цену один народ заплатил, [встав] на путь развития» [6, с. 3]. Возможно, кому-то этот вывод может показаться неким способом для

смягчения впечатления от происходившего, но, на наш взгляд, в нём содержится жестокая правда. Даже в XXI в. можно наблюдать, как отдельные народы, не прошедшие путь революционного очищения, откатываются в прошлое, а их общества переживают архаизацию. Есть примеры и другого рода, когда включение, нередко насильственное, спящего народа в орбиту жизни другого, динамично развивающегося, социума приводит к эффекту синергии.

В своих работах Пань Хунган ведет честный разговор о судьбе маньчжуров в момент исторического перелома. Его взвешенные выводы позволяют посмотреть на события прошлого в более широком контексте, дать оценку сложным отношениям между ханями и маньчжурами, понять, что сформулированный Сунь Ятсеном принцип «национализма» несомненно содержал в себе зёрна антимаьнчжуризма, но, с другой стороны, был шире, чем просто призыв к отмщению.

Благодаря работам уханьского историка, можно видеть, что в разных районах Китая ситуация складывалась по-разному. Она зависела: 1) от степени враждебности к маньчжурам в конкретном месте, 2) от позиции знаменных (сражаться или договариваться), 3) от степени влияния бандитов-туфэев в том или ином районе, 4) от того, насколько знаменное население было включено в жизнь ханьского города, который начинался сразу же за стенами воинской части, 5) от того, были ли среди знаменных члены китайских тайных обществ, что часто совпадало с участием в революционных организациях. Я к этому списку обстоятельств, определявших судьбы маньчжуров, прибавила бы еще одно: предательство Цинского двора. Сами маньчжурские аристократы, бросив на произвол судьбы простых маньчжуров, без препятствий перебирались на территории иностранных концессий, где чувствовали себя в безопасности. Современники свидетельствовали: «Примеров погибших в Поднебесной, как служилых, так и простого люда, невозможно сосчитать. Но точно другое: Цинские ваны, гуны и министры спокойно переселялись в концессии» [10, с. 100].

Отмечая 110-летие с момента начала восстания в Учане мы отдаём дань памяти великому событию, с которого начинается история нового Китая, а также дань уважения тем людям, которые не один год, жертвуя своими жизнями, приближали день свержения маньчжурского ига и провозглашения первой республики в Азии.

Для историков юбилейное событие это не только и не просто красный день календаря, но также повод для серьёзного разговора, для уточнения уже известных фактов и для введения в научный оборот новых материалов.

Если взять «три народных принципа» Сунь Ятсена в качестве точки отсчёта для выделения главного содержания революции и вызванных ею изменений, то окажется, что изучение принципа «национализма» долгое время отставало от исследования других тем, что не удивительно, учитывая чувствительность вопроса.

Современная историография национального вопроса в Синьхайской революции пишется такими людьми, как Пань Хунган. Он умеет говорить правду, сохраняя баланс между историческими реалиями и ответственностью учёного. Благодаря ему и его коллегам, в историографии КНР больше не замалчиваются и не приукрашиваются факты, а Синьхайская революция предстает во всей полноте своих светлых и не очень светлых страниц. Само по себе признание наличия «не очень светлых страниц» ни в коей мере не умаляет великого значения Синьхайской революции, но отражает зрелость китайской историографии и китайского общества, готового к обсуждению сложных вопросов.

Закончить этот обзор современной историографии КНР, приуроченный к 110-летию Учанского восстания, следует мудрыми словами профессора и директора Центра изучения традиционной культуры Китая Уханьского университета, академика и председателя Общества изучения истории Китая в провинции Хубэй Фэн Тяньюя (冯天瑜), произнесенные им в 2011 году в беседе с автором данной статьи: «Дорога истории очень сложная и совсем не прямая, и поэтому историк должен стремиться к тому, чтобы отражать прошлое во всей его сложности. Упрощение прошлого неизбежно ведет к его искажению» [8, с. 119].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Борох, Л.Н.* Антиманьчжурские идеи первых китайских буржуазных революционеров (о «Показаниях Лу Хаодуна») // Маньчжурское владычество в Китае. Москва: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1966.
2. *Головачёв, В.Ц.* Интервью с Новиковым Б.М. : Interview with Boris M. Novikov. 27 июля 2014 г. // Проект: «Китаеведение – устная история». URL: https://china-oral.ivran.ru/f/016_Novikov_27_07_2014.pdf (15-11-2021)
3. *Кузнецов, В. С.* Синьхайская революция в Китае // Вопросы истории. 2004, № 10.
4. Маньцзу шэхуй лиши баогао (Доклады по обследованию социальной истории маньчжуров). Б.м.: Чжунго кэсюэюань миньцзу яньцзюсо, Ляонин шаошу миньцзу шэхуй лиши дяочацзу, 1963. (Группа пров. Ляонин по обследованию социальной истории малых народов Исследовательского института национальных меньшинств Академии наук Китая, 1963). Ди эр фэнь цэ, ди и цзи (ч. 2, вып. 1); ди сань цзи (вып. 3); ся цэ (ч. 3). 滿族社会歷史調查報告。中国科学院民族研究所, 辽宁少数民族社会历史调查组, 1963. 第二分册, 第一輯; 第三輯; 下册。
5. *Пань Хунган.* Синьхай гэмин юй чжуфан ба ци (Синьхайская революция и расквартированные в гарнизонах восьмизнаменные) //
6. Цзинянь Синьхай гэмин 80 чжоунянь гоцзи сюэшу яньцзю таолуньхуй луньвэньцзи: Синьхай гэмин ши цункань (Сборник докладов международной научно-исследовательской конференции по случаю 80-го юбилея Синьхайской революции, «Серия публикаций по истории Синьхайской революции»), Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 1994 (Пекин: Издательство Китая, 1994). 潘洪刚。辛亥革命与驻防八旗 //纪念辛亥革命 80 周年中国的学术研讨论文集《辛亥革命与近代中国》。北京: 中华书局, 1994 年。
7. *Пань Хунган.* Цзай лунь Синьхай гэмин юй чжуфан бацзи (Ещё раз о Синьхайской революции и расквартированных в гарнизонах восьмизнаменных) // Цзинянь Синьхай гэмин 95 чжоунянь гоцзи сюэшу яньтаохуй луньвэнь чжуаньцзи, ди 13 цзи, «Синьхай гэмин ши цункань»: Учан Синьхай гэмин яньцзю чжунсинь (Специальный выпуск докладов международной научной конференции по случаю 95-го юбилея Синьхайской революции, вып. 13, «Серия публикаций по истории Синьхайской революции» Учанского центра изучения Синьхайской революции). Ухань: Хубэй жэньминь чубаньшэ, 2007 (Ухань: Хубэйское народное издательство, 2007). 潘洪刚。再论辛亥革命与驻防八旗。《纪念辛亥革命 95 周年国际学术研讨会论文集》, 第 13 輯, 《辛亥革命史丛刊》。武汉: 武昌辛亥革命研究中心, 湖北人民出版社, 2007 年。
8. Синьхайская революция. 1911 – 1913. Сборник документов и материалов. Москва: ГРВЛ издательства «Наука», 1968.
9. *Стабурова, Е.Ю.* Изучение Синьхайской революции в Ухане в контексте современного Китая // Общество и государство в Китае. 42 научная конференция. Учёные записки Отдела Китая. Вып. 6. Москва: Институт востоковедения РАН, 2012. Т. 2.
10. *У Чжунхань.* Гоюй цишэ юй маньцзудэ фачжань ([Политика] «национального языка и наездничества» и развитие маньчжурского народа) // Цин ши синь као (Новые исследования по истории Цин). Ляонин дасюэ чубаньшэ, 1983 (Ляонин: издательство Ляонинского университета, 1983). 吴鍾翰。国语骑射与满族的发展 // 清史新考。辽宁: 辽宁大学出版社, 1983 年。
11. Цин чао е ши да гуань (Великий обзор неофициальной истории династии Цин). Янчжоу ши: Цзянсу Гуанлин гуцзи кэинь шэ, 1998 (Янчжоу: Общество граверов древних книг пров. Цзянсу района Гуанлин, 1998). 清朝野史大觀。揚州市:江蘇廣陵古籍刻印社, 1998 年。

12. Цин ши гао (Черновик истории Цин). (Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй (Пекин: Китайское книжное издательство, 2003). Т. 42, цзюань 470. 《清史稿》。北京: 中華書局, 2003 年, 470 卷。

13. *Wilkinson, Endymion. Chinese History: A Manual. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000.*